

Покончив с завтраком, Юй Янь спозаранку отправился во дворец. Подводяемый евнухом, он прибыл в Зал Заслуженного Отдыха.

Старый император повесил портрет покойной матери в своих личных покоях, ежедневно воскурял благовония и преклонял колени — куда усерднее, чем перед статуей Бодхисаттвы.

— Молодой господин Юй, это посмертный портрет вдовствующей императрицы. Необходимые вам материалы старый слуга уже подготовил, прошу, приступайте! Его Величество скоро вернётся с утреннего доклада! — тихо напомнил старый евнух, который проводил Юй Яня внутрь, а затем хлопнул в ладоши. Снаружи тут же вошли несколько младших евнухов, неся в руках свитки и краски, и аккуратно разложили всё в стороне.

Глядя на бумагу, тушь, кисти и чернильницу, Юй Янь испытал лёгкую тоску.

Неужели он и в прошлых жизнях, вплоть самой смерти, только и делал, что рисовал? Неужели его судьба — вечно заниматься этим ремеслом?

Разглядывая рисовальную бумагу и кисти, Юй Янь немного встревожился: сможет ли он действительно хорошо справиться?

Это ведь живопись для самого императора!

Малейшая оплошность — и голова с плеч долой!

Уверенности у него не было ни капли, к тому же рисовать предстояло кистью.

— Ванцай, ты здесь? — мысленно позвал Юй Янь.

Система: [...]

Юй Янь потерял дар речи: эта система всё ещё дует на него!

— Ванцай, я же не умею рисовать кистью! Помоги мне! — запросил Юй Янь.

Система: [...]

Юй Янь приподнял бровь, мысленно хмыкнув: а эта система-подлизыватель решила сыграть с ним в игры набивания цены, да?

— Ванцай, ты должен понимать: я ведь рисую для императора, а Юй Цзымо — придворный живописец. То, что я делаю сейчас, полностью соответствует образу Юй Цзымо.

— К тому же, если я плохо нарисую, старый император меня обезглавит. Если я умру, как дальше пойдет сюжет? Что, главной героине больше не нужно фармить боссов?

— Дутаешь, ты этим помогаешь мне?

— Ошибаешься! Причем глубоко ошибаешься! Я помогаю тебе выполнять миссию твоей системы, а ты, система-подлизыватель, мало того что не выражаешь благодарности, так еще и игнорируешь меня, ушла на дно и притворяешься мертвой?

Система: [Запрос глупого хозяина принят, подобрано подходящее умение — Из искусных рук кистью по шёлку!]

[Из искусных рук кистью по шёлку]: стоит взять в руку кисть, как в вас словно вселяется дух великого мастера живописи, а каждое движение пера направляют божественные силы!

Голос системы пронесся в эхом, и сразу после этого Юй Янь почувствовал, как в его голову насильно втиснули нечто новое. Странное ощущение разлилось по телу, во всем существе возникла легкость и бодрость, а разум прояснился.

Словно бился над какой-то сложной задачей, ломал голову в раздумьях — и наконец снизошло озарение, отысканся ключевой ответ. Это чувство абсолютной ясности и умиротворения было не с чем сравнить.

Юй Янь снова взглянул на висящие на подставке кисти разной толщины, и они вдруг показались ему донельзя привычными и близкими.

Кликнув своими прокачанными донатными глазами на висящий на стене портрет Вдовствующей императрицы Сяо, он впечатал оригинал изображения прямо в глубины своей памяти.

Подойдя к столу для рисования, левой рукой он придержал широкий правый рукав, снял с подставки кисть средней толщины и изящно качнул ею над тушницей.

Эта тушь была особой, дворцового назначения: её изготавливали из множества драгоценных лекарственных трав и костей духовных зверей.

Аромат туши был очень свежим, стоило вдохнуть — и человека мгновенно охватывала бодрость, ясность в голове так и проясняла мысли, оказывая тонизирующее и освежающее действие.

Получившаяся чернильная жидкость ложилась густо и плотно, намертво цепляясь за ворс кисти — даже на весу с нее не капало ни единой капли.

Правда, по сравнению с его собственной духовной тушью, это всё равно казалось слишком слабым!

Левой рукой Юй Янь придерживал рукав правой, а в правой сжимал рисовальную кисть, делая первые штрихи на бумаге.

Движения Юй Яня были мягкими и изящными, в каждом взмахе и жесте сквозило глубокое, утонченное благородство ученого мужа.

Взгляд Юй Яня был предельно сосредоточен, он выглядел так, будто целиком и полностью растворился в процессе творения — он даже не заметил, как кто-то вошел.

Император Е Чэнфэй, облаченный в императорское ханьфу, уже вернулся с утреннего совета. Войдя, он сразу увидел сосредоточенный и вдохновенный облик рисующего Юй Яня и просто не посмел нарушить эту тишину.

<http://bllate.org/book/21964/2282041>